

могли быть полезны для дипломатической практики, а не ради того, чтобы «сохранять античность» для пользы Ваших ученых коллег-профессоров. Мы умеренно использовали Геродота, так как полагали, что его сообщения о Персии и Египте могут быть применимы и к «персам» и «египтянам» нашего времени, т.е. к арабам, а его упоминания о скифах могут помочь нам лучше разобраться в сношениях со скифами наших дней, то есть с народом Рос³⁵.

Я готов признать очевидное. Высокий стиль языческих сочинений Второй софистики, т.е. произведений «античной» прозы, как мои образованные современники это толковали, действительно оказал сильное влияние на моих сподвижников. Никейский митрополит Александр, к которому я еще вернусь, исправлял и аннотировал (правда, с одной ошибкой относительно атрибуции) рукопись скабрезного Лукиана. Один из менее известных литераторов, находившихся на моей службе, специально подчеркивал, что если ему и приходится писать простым стилем, то это отнюдь не потому, что он несведущ в *превосходной* манере выражения, присущей древним грекам.

Некоторые наши современники, близкие по образованию к нашему литературному кругу, но не принадлежащие к нему, проявляли особое усердие в поисках изысканных и редких словечек, в употреблении гипербатона, в повиновении правилам «хорошей» грамматики, и в своем стремлении намекнуть на то, что они чувствуют себя как дома в самых укромных уголках классической литературы и мифологии. Вы, я не сомневаюсь, знакомы с письмами одного из этих педантов, главы школы второй ступени в нашей столице. Благодаря занимаемому им положению, этот преподаватель терся среди влиятельных отцов и дядей доверенных ему учеников; ему даже удалось наладить связи с самим патриархом и с императрицей — женой (а позже — вдовой) члена семьи Лакапинов. С другой стороны, он жаловался на то, что какие-то «правители» отнеслись к нему бессердечно, то есть, как полагаю, не дали ему денег. Возможно, что под «правителями» он подразумевал меня. Если я действительно плохо отнесся к этому главе школы, то это, по всей вероятности, произошло из-за его связей с Лакапинами. Возможно, что моя, во всяком случае, «правителей» немилость не помогла делу педагогики; но едва ли она значительно повредила делу высокой светской культуры. Правда, надо нашему главе школы отдать должное: он пытался приобрести (по возможности, дешево) том Софокла, предположительно, чтобы пользоваться им как учебником в своей школе; однажды он сослался на «Федона» и «Крития» Платона. Но — и это самое главное — основная масса аллюзий, которыми он пытался доказать свое близкое знакомство с Классикой, была более скромного происхождения: он черпал эти аллюзии не из

³⁵ Об использовании Геродота в трактате *De virtutibus*, см.: *Iulius Wollenberg*. LXIII locos ex Herodoto excerptos qui ex collectaneis Constantini Porphyrogenetae Περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας... exstant recensuit I. W. [= Programme ... Collège royal français...]. (В., 1862). Относительно содержания и библиографических ссылок на энциклопедические предприятия, осуществляемые под покровительством Константина VII, ср.: *Семеновкер Б. А.* Энциклопедия Константина Багрянородного: Библиографический аппарат и проблемы атрибуции // ВВ. 1984. Т. 45. С. 242—246. См. его же: Библиографические памятники Византии. Автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Москва, 1989. С. 25—27. Ученый не касается проблем, поднятых в послании из Урануполиса.